

Бай По спал на редкость сладко. В полузабытии ему даже почудилось, будто он вернулся в Секту Таинства и нежился на своей огромной постели. Обычно, стоило зашевелиться игле Запечатывания Души, адепты секты принимались по очереди вливать в него внутреннюю силу, чтобы усмирить бушующую в меридианах кровь и унять боль. Если же приступ оказывался совсем нестерпимым, Старейшина Хранитель Правил Юнь Юй лично брался за инструменты. Можно сказать, что своей жизнью Бай По был целиком обязан непревзойдённому искусству этого человека.

Но игла Запечатывания Души была штукой на редкость коварной: в одиночку её не вытащить. Чтобы выдавить её из тела, требовалось трое умельцев: один у головы, второй у груди, третий у ног — и колоть они должны были одновременно. Но где сыскать троих мастеров иглоукалывания высшего класса? Даже если и найдёшь, им надобно принадлежать к одной школе, владеть одинаковыми приёмами, работать на одной скорости, секунда в секунду, понимая друг друга без слов.

Секте Таинства, конечно, было вполне по силам разыскать первоклассных мастеров. Но даже при всём их могуществе найти троих лекарей из одного ордена, способных действовать в безупречном согласии, оказалось непосильной задачей. На всю Поднебесную едва ли набралось бы двое-трое способных на такое целителей, но все они состояли в различных кланах Великой Чжоу. Доверить им спасение Бай По? Всё равно что добровольно пойти на плаху.

Юнь Юй как-то обмолвился, что был ещё один путь — разыскать ту самую старуху, которая когда-то загнала иглу в его тело. Раз уж она сумела её туда поместить, то наверняка знала, как вытащить обратно. Сам Юнь Юй, несмотря на своё великое мастерство, не решался проводить эту процедуру на Бай По: малейшая оплошность — и коварная игла мгновенно лишит юношу жизни.

Именно поэтому Бай По так отчаянно цеплялся за любую зацепку. Стоило ему услышать смутный слух, как он, позабыв об осторожности, в одиночку пустился в опасное путешествие вглубь Срединных равнин.

Когда он медленно открыл глаза, комнату уже наполнял аппетитный аромат свежесваренной каши. Ван Шо сидел на табурете неподалёку и мягко улыбался.

— Вставай, поешь, — проговорил он. — Я как раз прикинул, что ты к этому времени должен проснуться.

Спросонья Бай По ещё пребывал в лёгком оцепенении. Он долго и тупо разглядывал мужчину, но стоило воспоминаниям вчерашнего вечера всплыть в голове, как он мгновенно помрачнел.

Заметив эту перемену, Ван Шо лишь тяжело вздохнул.

— Что бы ни стряслось, давай сначала поедим, хорошо?

«Хорошо?»

Бай По мысленно перекосило от злости.

Он с ласковой, безмятежной улыбкой поднялся с постели. Слегка прищурившись, он неторопливо, словно ни о чём не заботясь, подошёл к столу — и вдруг резко, наотмашь рубанул ладонью сидевшего перед ним Ван Шо. Удар сопровождался свистом ветра; в нём сквозила такая неприкрытая ярость, что списать это на дружескую шутку или простую разминку было никак нельзя.

Однако Ван Шо лишь небрежно выставил два пальца, перехватывая его запястье у самого своего лица.

— Поешь сначала, а потом уж капризничай, ладно? Твоё тело...

— Какого хера я перед тобой кривляться буду?! — в ярости оборвал его Бай По.

Сейчас ему было совсем не до шуток и не до притворства. С какой стати он должен терпеть это? Его несколько месяцев водили за нос, как последнего дурака, а этот мерзавец теперь с самым невозмутимым видом строит из себя заботливую няньку!

Ван Шо молча вглядывался в него несколько секунд. Улыбка медленно сползла с его лица, сменившись холодным спокойствием. Прищурившись ещё сильнее, он тихо, но непреклонно произнёс:

— Сядь. И ешь.

В его голосе не было злости, но прозвучал он так властно, что привыкший к безнаказанности Бай По мгновенно ошетинился. Дёрнув плечом, он развернулся к двери и бросил через плечо:

— Хрен тебе! Не буду я ничего есть!

Взгляд Ван Шо потемнел. Он резко подался вперёд, хватая уходящего со спины. Почуввав неладное, Бай По попытался отмахнуться, но даже не успел коснуться противника — Ван Шо перехватил его движение, развернул одним слитным рывком и намертво впечатал обратно в кресло. Его взгляд стал ледяным.

Бай По ещё не успел сообразить, что происходит, как раздался сухой, отчётливый хруст. Ван Шо, даже не моргнув, вывернул и выбил его правое плечо из сустава.

От резкой, пронзительной боли Бай По вскрикнул. Он уставился на Ван Шо, не веря собственным глазам — шок в этот миг оказался сильнее страданий. За четыре месяца он так

привык помыкать этим человеком, капризничать и требовать своего, что нынешняя перемена просто не укладывалась у него в голове. Конечно, ещё прошлой ночью стало ясно, что Ван Шо далеко не так прост, но старые привычки умирают трудно.

Лицо Ван Шо оставалось совершенно бесстрастным. Обезвредив правую руку пленника, он молниеносным щелчком заблокировал акупунктурные точки у него на пояснице. Нижняя половина тела Бай По мгновенно онемела; он безвольно обмяк в кресле, не в силах даже пошевелиться. Не то чтобы он не пытался сопротивляться — просто чудовищная, подавляющая внутренняя сила Ван Шо навалилась на него плитой, лишая всякой возможности защититься.

Только теперь Бай По по-настоящему осознал, насколько страшен сидящий перед ним человек. Беспомощно застыв в кресле, он потерянно переводил взгляд на дымящуюся пиалу с кашей, и в его глазах предательски заблестели слёзы обиды и бессилия.

Убедившись, что бунтовщик усмирен, Ван Шо обошёл стол и неторопливо уселся напротив. Бай По тут же вперил в него полный жгучей ненависти взгляд.

Тот, однако, даже бровью не повёл. С самым невозмутимым видом придвинув пиалу поближе, Ван Шо помешал кашу ложкой, зачерпнул немного и поднёс к его лицу.

— Поешь сам? Или мне тебя покормить?

Бай По до крови закусил губу. В его взгляде мешались ярость, недоумение и — как бы он ни пытался это скрыть — подспудный, липкий страх. Не проронив ни звука, он упрямо отвернулся, наотрез отказываясь смотреть на мучителя.

Ван Шо лишь покачал головой и с негромким стуком вернул пиалу на стол. На его лице проступила тень усталости и мягкого укора.

— Ты вчера полвечера корчился от боли, а сегодня с утра у тебя маковой росинки во рту не было. Разве так можно?

Услышав это, Бай По окончательно потерял самообладание. Из горла его вырвался злой, сдвленный смешок.

— Ах вот оно что! — прошипел он, вперив в Ван Шо яростный взгляд. — И поэтому ты мне плечо вывернул? Из заботы решил силой меня накормить?

— Я не хотел причинять тебе боль, — искренне отозвался Ван Шо, и он смотрел чисто и спокойно. — Будь ты чуточку послушнее, разве нам пришлось бы доходить до этого?

Но эта мнимая забота ранила Бай По сильнее любого оружия.

— Послушнее?! Да кто мы вообще друг другу? С какого хера я должен тебя слушаться? Ван Шо, ты не слишком ли много о себе возомнил?

— Не знаю, много ли, — ровным, глубоким голосом ответил тот, — но на жизнь мне жаловаться не приходится.

— Да ты... — Бай По задохнулся от возмущения.

«Стерпишь мгновение — спасёшься от бури, отступишь на шаг — откроются бескрайние дали».

Он судорожно твердил про себя старую мудрость, пытаясь подавить рвущиеся с языка грязные ругательства. Напоследок он лишь выдавил ядовитый смешок, после чего угрюмо уткнулся взглядом в пол, решив больше не произносить ни слова.

Ван Шо молчал, прикрыв глаза, скрывая свои мысли. Спустя минуту он поднял голову и негромко, ласково спросил:

— Ну так что? Поешь сам или мне вывихнуть тебе челюсть и влить кашу силой?

Бай По рывком вскинул голову. Он лихорадочно забегал глазами, ощупывая лицо собеседника в поисках намёка на шутку. Поняв, что этот ублюдок говорит на полном серьёзе, и скользнув взглядом по плетью висящей правой руке, он почувствовал, как к горлу подкатывает горький ком.

— Ван Шо, ты совсем страх потерял?! Издеваешься надо мной?!

— По сравнению с тем, как ты измывался надо мной раньше, это сущие пустяки, — Ван Шо снисходительно улыбнулся и, переплетя пальцы, опёрся на них подбородком.

— Решил, значит, старые долги стребовать? — в покрасневших глазах Бай По задрожали слёзы бессильной обиды.

— Если забота о том, чтобы ты не сдох с голоду, называется расплатой, то я бы не отказался, чтобы и со мной кто-нибудь так поквитался, — усмехнулся Ван Шо.